

Гестия отложила миску начала играть пальцами. Она огляделась вокруг, словно не решаясь заговорить.

Гестия зарылась лицом в одеяло. Её длинные розовые волосы мешали мне разглядеть выражение её лица, и она просто продолжала закрывать лицо руками. Её руки переместились к одеялу, когда она ковыряла ткань. Ей, похоже, было очень трудно сказать мне о своем желании.

Поколебавшись некоторое время, Гестия закрыла лицо и заговорила тихим голосом.

— Даже если я тебе больше не нравлюсь, даже если я тебе наскучу, никогда не оставляй меня.

Её голос звучал сухо, как будто каждая капля воды в её теле была выжата, как губка. Я могла видеть заплаканные зеленые глаза Гестии, спрятанные за её пальцами.

Я посмотрела, как Гестия вот-вот расплачется, и крепко обняла её. Я нежно погладила её по спине, когда она дрожала от страха.

— Когда выйдешь из лазарета, давай возьмем пару одинаковых ожерелий.

—.....хорошо.

Я продолжала гладить Гестию по спине, пока не почувствовала легкую боль в голове. У меня пошла кровь из носа, и я тут же потеряла сознание.

Проклятие 0,45 сантиметра наконец свершилось.

Мы с Гестией оба остались в лазарете. Мы отправились за покупками ожерелий, как только нас выпустили.

Побочная история 5: Обстоятельства друга детства

Я решила вступить в школьный кружок журналистики по рекомендации Шушу.

Клуб журналистики был большим клубом, поэтому мне нужно было написать двухстраничное представление о себе, если я хотела подать заявку.

Я положила подбородок на руки и некоторое время глубоко думала, прежде чем начала писать. Я вспомнила, как я жила до сих пор.

Когда я была ребенком, мама часто расчесывала мне волосы.

Её кисти всегда болят.

— Гестия. Ты всегда должна быть красивой и хорошо себя вести.

— М, мать! Больно!

Кто сказал, что материнское прикосновение нежно? Её прикосновения вовсе не было нежным. Напротив, это было грубо и невнимательно. Мне казалось, что каждый волос на моей голове будет вырван, поэтому я закричала от боли, но моя мать не услышала меня. Вместо этого она просто продолжала повторять одно и то же снова и снова. — Гестия, ты должна быть красивой. — Гестия, ты должна вести себя хорошо.

Лицо моей матери было совершенно бесстрастным, когда она каждую ночь расчесывала мне волосы.

Она выглядела пустой, как будто у неё не было причин жить. Она продолжала повторять то, что говорила, снова и снова.

— Женщин нужно любить. А для этого мы всегда должны сначала опускаться. Мы чего-то стоим только тогда, когда мы красивы и любимы. Мы всегда должны быть гордостью нашего мужа, так что..... Так.....

Мать начала бросать вещи на пол с сердитым выражением лица. Я стояла неподвижно, положив обе руки на ноги, наблюдая, как моя мать злится все больше.

Затем я взяла расческу из туалетного столика и медленно расчесала волосы.

Я кричала матери, что буду хорошо себя вести, что буду стараться изо всех сил, чтобы меня любили, а она продолжала сердито повторять одни и те же фразы снова и снова. В конце концов она успокоилась.

Затем, как только я успокоила маму, она уставилась на меня со слезами, тихо текущими по её щекам.

С тех пор, как я был молода, и до сих пор мой отец был высшей властью в нашем доме. Он был горд и хотел контролировать нашу семью, чтобы все было так, как он хочет.

Мой отец родился в бедной семье, но женился на моей очень красивой матери. Он хотел, чтобы моя мать, которую фактически продали ему, была послушной.

Но моя мать была уверенной в себе и гордым человеком, и это очень смущало моего отца.

Я не слишком много знаю о том, что произошло между ними двумя, но служанки болтали о том, как резко изменилась моя мать с начала замужества и сейчас.

С тех пор, как я был маленькой, я росла, слушая слова моей матери, снова и снова.

Моя мать относилась ко мне так же, как мой отец относился к ней. Она считала все, что мне нравилось, бесполезным и не пыталась видеть во мне ничего, кроме хорошенькой куколки.

У меня не было никакой ценности в моем доме. Я была просто хорошеньким ребенком, которого должны были выдать замуж, когда я вырасту. Из-за этого единственной целью в моей жизни было выйти замуж и хорошо служить своему мужу.

Когда я вела себя кротко и послушно, отец хвалил меня. Моя мать с горечью смотрела на это с облегчением.

Думаю, я была счастлива тогда, когда получила любовь, которая была настолько фальшивой, насколько это возможно.

Но, с другой стороны, я чувствовала, что меня топят моё возможное будущее и то, что со мной обращаются как с вещью, которую нужно выдать замуж.

У меня были мысли. Я тоже могла говорить. Я хотела, чтобы меня приняли. Я хотела быть лучше, чем была вчера.

И в этой разочаровывающей, удушающей жизни моей единственной радостью была Шурейн.

Очевидно, мы познакомились, когда были младенцами, но я думаю, что впервые я действительно помню, как встретила Шурейн, когда мне было около четырех или пяти лет. У неё были короткие рыжие волосы и скучающие, но пронзительные глаза.

С того момента, как мы заметили друг друга, мы стали друзьями. Я чувствовала, что мы сблизилась, потому что мы всегда держались вместе, а позже мы играли в домах друг друга.

Я рассказала Шушу все, что сказала мне мама. Я выбрала и указала на поведение и манеры Шурейн, которые отличались от моих.

Честно говоря, мне поначалу не очень нравилась свободная Шурейн. Честно говоря, я чувствовала что-то, что больше всего походило на ревность.

Женщины должны были выйти замуж, и они были инструментами для рождения преемников. Нам не нужны были другие мечты.

Всякий раз, когда я говорила это, Шуреин хмурилась и прочищала уши. Она выглядела так, словно говорила: «Что за ерунда это должна означать?»

— Мужчина или женщина, в конце концов мы все станем трупами. Почему меня должны волновать все эти сложные вещи? Если есть что-то, что ты хочешь сделать, ты просто должна это сделать.

И именно так она положила конец всем вещам, которые моя мать говорила всю мою жизнь.

Она продолжала говорить о том, что если мы посмотрим на себя из космоса, то мы просто пылинки, что в нас есть что-то удивительное, но незначительное. Когда я услышала слова Шуреин, мне действительно показалось, что все мои заботы стали маленькими и незначительными.

Почему пол важнее навыков, почему я увязла в словах матери, отбросила все свои интересы и решила, что выходом из всего этого является брак?

Мои мысли начали меняться, когда я стала ближе к Шушу, и вскоре я начала восхищаться ею.

Шуреин носила меч, изучала магию и делала все, что хотела, не задумываясь о своем статусе. Должно быть, на неё, как на дочь барона оказывалось огромное давление, но ей было все равно.

Вместо этого Шуреин показала им всем, как она стремительно улучшила свои навыки и заставила всех людей, которые выступали против неё, принять её навыки.

Своими действиями она показывала другим, что отличается от других. Шуреин была принята другими благодаря её навыкам, и это было то, о чем я мечтала для себя. Она была такой удивительной, и я завидовала ей.

Я хотела быть уверенной, вот так. Я хотела, чтобы люди приняли мои усилия и навыки, приняли меня, как Шуреин. Но всякий раз, когда я возвращалась домой, огонь внутри меня превращался в пепел. Я была напугана.

Если я начну делать то, что мне нравится, как Шуреин, меня выгонят из дома. Моим родителям нравился мой внешний вид и послушание. Иногда мне даже казалось, что они любят меня. Я ненавидела, но любила свою семью.

Я использовала Шуреин как спасение. Я смотрела, как она делала все то, на что я не решалась, и радовалась её успехам. Я надеялась, что она продолжит расти. Я надеялась, что она станет

больше, умнее и успешнее без каких-либо препятствий, и что все будут её уважать.....

А затем, точно так же, как она изменила моё понимание и мою точку зрения, я надеялась, что однажды она изменит представление империи о женщинах.

Она была единственной, кто когда-либо видел меня воочию. Шуреин всегда спрашивала меня о моих интересах и увлечениях, о вещах, до которых никому не было дела, и изо всех сил старалась помочь мне, когда я в этом нуждалась.

Она злилась на меня за то, что я относилась к себе как к объекту, и всегда говорила мне то, что я хотела услышать. Даже когда она выглядела раздраженной, она всегда старательно говорила мне то, что я хотела услышать.

— Делай что хочешь. Перестань себя дурить. Я всегда подбадриваю тебя.

Всякий раз, когда Шуреин, человек, на которого я равнялась, говорила мне вещи, говорящие о том, что я чего-то стою, в моем сердце поднималась глубокая дрожащая волна. Поэтому я всегда старалась говорить то, что Шуреин не нравилось слышать, просто чтобы снова услышать эти слова.

Мне нравилось нервное, судорожное чувство в моём сердце, и мне нравилось чувство уважения.

Несмотря на то, что её слова были резкими и звучали раздраженно, в глубине души она была невероятно теплым и заботливым человеком.

Шуреин посмотрела на меня, как на свою младшую сестру, поэтому я намеренно вела себя по-детски.

Когда я ныла и закатывала истерики, Шуреин стала чуть более понимающей. Шуреин знала, что я создаю ей проблемы и отвлекаю её, потому что не хочу, чтобы мальчик увел её, но она ничего не сказала. Мне было жаль Шуреин, но я просто сказала себе, что все в порядке, потому что я молода, и попыталась оправдать этим своё поведение.

Мне не нравилась мысль о том, что Шуреин встречается с парнем. Мне не нравилась мысль, что она может начать встречаться и постепенно начать меньше заботиться обо мне, и я беспокоилась, что она не сможет достичь своих целей и стать похожей на мою мать из-за своего любовника.

Если бы у меня не было Шуреин, которая смотрела на меня такой, какой я есть, я бы снова превратилась в бесполезную вещь .

Я не хотела, чтобы у меня отняли Шуреин, поэтому я похитила всех мальчиков, которыми она,

казалось, интересовалась. Я жила в собственных страданиях и тревогах.

Но из-за того, что я продолжал делать именно это, казалось, что Шуреин разочаровалась в свиданиях. Мне было жаль, но я также была немного счастливее.

Я была послушной, как мне и было сказано. Это само по себе было цепью, которая сковывала меня от того, что я действительно хотела делать. Так что я долго-долго оставалась рядом с Шуреин и пряталась за её спину, утешаясь её словами. Я тайно, тихо продолжала мечтать.

Когда я пошла в академию и начала разговаривать со многими другими студентами, я поняла, что общество действительно дает мужчинам больше преимуществ, но общество стало более либеральным. Я думала, что весь мир тесный и душный, но просто мой дом был более старомодным, чем большинство.

Но, тем не менее, я вела себя послушно и мило, как дома. Привычки, сформировавшиеся дома, так просто не уходили. Всякий раз, когда я хотела заговорить, мое сердце начинало бешено колотиться. Когда мне приходилось постоять за себя, я боялась глаз тех, кто смотрел на меня. Как и говорила мне мама, мне казалось, что вот-вот должно произойти что-то большое.

Я не слишком много думала о девушках, которые говорили о моем старомодном состоянии. Я была тем, кто позволила этому случиться в первую очередь, так что это не имело значения.

Единственное, что меня заботило, это то, что обо мне думала Шушу. Шуреин, казалось, было все равно, как я выгляжу, поэтому я не заставляла себя показывать, кто я на самом деле.

Но покидая свой дом и каждый день разговаривая с Шушу, я постепенно избавлялась от своей фальшивой личности.

Я знала это, и Шуреин, похоже, тоже пронюхала об этом. Но я все еще хотела быть ребенком. Я вела себя немного по-детски, чем на самом деле чувствовала себя перед Шуреин. Я всё ещё любила успокаивающий голос Шушу и ее успокаивающие меры слишком сильно, чтобы остановиться.

Перевод выполнен командой Чайный дом "Лоренция"

Переводчик: Farkia

<http://tl.rulate.ru/book/26024/2715168>